

УДК 93/94

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-98-123

РАЗВЕДЧИКИ ЭПОХИ ДИЛЕТАНТОВ*

© А.В. Ганин

Статья посвящена истории противоборства белой разведки и азербайджанской контрразведки, а также британских спецслужб на территории Азербайджана в первой половине 1919 г. Центральным событием противоборства стало разоблачение белого разведчика капитана А.С. Чернышева.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, спецслужбы, разведка и контрразведка, А.И. Деникин, А.С. Чернышев, Азербайджан, Вооруженные силы на Юге России.

Формат цитирования: Ганин А.В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4. С. 98–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-98-123

SCOUTS OF DILETTANTES ERA*

© A.V. Ganin

The article is devoted to the history of confrontation of White and Azerbaijan counterintelligence as well as Britain special services in Azerbaijan in 1st half of 1919. As a central event of this confrontation was the exposing of the White intelligence officer captain A.S. Chernyshev.

Keywords: Civil War, White movement, special services, intelligence and counterintelligence, A.I. Denikin, A.S. Chernyshev, Azerbaijan, the armed forces of the South of Russia

Citation format: Ganin A.V. Scouts of Dilettantes Era. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 4. Pp. 98–123. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-98-123

Противоборство спецслужб в Азербайджане в первой половине 1919 года

Вызванный революционными процессами 1917 г. распад России привел к ста-

новлению национальных государств на ее прежних окраинах. В Закавказье возникли независимые Грузия, Армения и Азербайджан. В каждом из этих новых государств шли непростые процессы государственного строительства, включавшего создание собственных вооруженных сил и специальных служб. Аналогичные процессы происходили и на сопредельной территории России, контролировавшейся в разные периоды как красными, так и белыми.

Государства Закавказья привлекали самое пристальное внимание южнорусского белого командования. Их политика по отношению к белым была далеко не однозначной, причем если с Арменией белые тесно сотрудничали, то со стороны Азербайджана и Грузии наблюдался враждебный нейтралитет. Руководители этих закавказских республик опасались имперских амбиций белого командования и, подчас,

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». Выражаю благодарность известному исследователю истории отечественной военной разведки кандидату исторических наук В.Б. Каширину за высказанные замечания.

A study carried out with the support of the Russian Humanitarian Science Foundation, the project number 14-31-01258a2 “Russian officer corps at the turn of eras (1914–1922)”. I express my gratitude to the well-known researcher of the history of Russian military intelligence, the candidate of historical sciences V.B. Kashirin for his comments.

были готовы пойти на союз против белых даже с большевиками, в конечном счете, присоединившими эти государства к собственному государственному проекту. В интересах белых было обеспечить себе спокойный тыл в Закавказье и предотвратить потенциальные враждебные выступления. Самостоятельными задачами становились сбор и анализ сведений о национальных армиях, привлечение в свои войска русских офицеров, остававшихся в Закавказье, вывод из Закавказья ценного имущества старой армии. Все это обусловило достаточно высокую активность белой разведки на закавказском направлении.

Разумеется, в те годы не все разведчики были дилетантами. И тогда существовали профессионалы своего дела, однако в противоборстве тайных служб, о котором пойдет речь, их роль незаметна. В обстановке Гражданской войны и в годы становления национальных государств сколько-нибудь профессиональных спецслужб возникнуть попросту не могло. Но не лучшим образом проявили себя и, казалось бы, искушенные британские разведчики, которые также оказались вовлечены в дилетантские шпионские игры в Закавказье. В целом же спецслужбы в тот период еще находились на заре своей профессионализации. Об истории военной разведки в связи со спецификой ее работы в немалой степени приходится судить по провалам и неудачам, получившим огласку. Один из таких случаев связан с деятельностью Генерального штаба капитана А.С. Чернышева и его агентуры в Азербайджане.

В работах отечественных и зарубежных историков спецслужб тайная война в Азербайджане в 1919 г. практически не нашла своего отражения. Такое положение связано, в первую очередь, с труднодоступностью источников по этому вопросу, поскольку даже в документации военных учреждений Азербайджанской республики сохранились лишь отдельные материалы на этот счет.

Тем не менее, целенаправленный поиск материалов дела Чернышева увенчался успехом. По косвенным данным о месте судебного разбирательства, а также об имени

основной фигурантки дела был проведен поиск в «непрофильных» архивных фондах. Изыскания увенчались успехом – в фонде Ганджинского окружного суда в Государственном архиве Азербайджанской республики автору этих строк удалось обнаружить объемное следственное дело (188 листов) о разоблачении британо-белогвардейской агентуры в Азербайджане, что, наряду с другими документами, позволило осветить как непосредственно дело Чернышева, так и шире – историю борьбы спецслужб в Азербайджане в первой половине 1919 г. К сожалению, остается открытым вопрос относительно выявления британских документов по данному делу, при том, что английские спецслужбы также оказались вовлечены в развернувшиеся события.

Британские войска появились в Азербайджане после ухода турок в ноябре 1918 г. Командующий союзными войсками генерал У. Томсон тогда объявил себя военным губернатором Баку, ввел военное положение и потребовал выдворения частей и учреждений азербайджанской армии из города. В результате до апреля 1919 г. органы военного управления азербайджанской армии пребывали в Гандже (Гяндже, ранее – Елисаветполь). Британское военное присутствие играло определяющую роль во внутренней жизни Азербайджана конца 1918 – середины 1919 г. Англичане держали под своим контролем Баку, была создана полиция союзных держав. С мнением азербайджанских властей британские военные считались слабо, процветал неприкрытый грабеж (Волхонский, Муханов, 2007. С. 151–156). При этом британская разведка работала в городе и до ноября 1918 г. (Plotke, 1993. Р. 93).

К весне 1919 г. положение русского населения в Азербайджане осложнилось в связи с выводом бывшего отряда Л.Ф. Бичерахова на территорию, подконтрольную Вооруженным силам на Юге России (ВСЮР) генерала А.И. Деникина. После ухода Бичерахова в отставку в начале 1919 г. отряд возглавлял генерал М.А. Пржевальский – бывший главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Вывод войск был осуществлен к 1 марта

Рис. 1. Л.Ф. Бичерахов
Fig. 1. L.F. Bicherakhov

1919 г. под давлением стремившихся устранить русское влияние в регионе англичан. Одним из инициаторов этого процесса был сам командующий союзными войсками в Баку генерал Томсон, подталкиваемый азербайджанскими властями (Безугольный, 2011. С. 234–236; Гасанлы, М., 2010. С. 323–324; Пученков, 2012. С. 132–133). Последствия не заставили себя ждать. Как вспоминал современник, к середине 1919 г. «атмосфера жизни в Баку для русского человека стала почти невыносимой» (Байков, 1923. С. 91).

Даже после эвакуации в Азербайджане оставалось немало русских офицеров, в том числе прежде служивших у Бичерахова. Часть из них занималась ликвидацией оставшегося имущества. При этом потребности в разведывательной работе в новых условиях значительно возросли, а работа по ликвидации имущества становилась для этого удобным прикрытием.

Биография капитана Александра Сергеевича Чернышева (1886-?) не выделяется среди судеб множества офицеров того времени. Уроженец Харьковской губернии, сын коллежского советника, он окончил Харьковское реальное училище и Алексеевское военное училище по 1-му разряду. Это был храбрый боевой офицер, участвовавший в Первой мировой войне на Кавказском фронте в рядах 5-го Кавказского стрелкового полка. 3 июля 1915 г. Чернышев был ранен и эвакуирован в тыл, в том же году по излечении вернулся на фронт и участвовал во взятии крепости Эрзерум. Награжден орденами Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Весной 1918 г. Чернышев окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (при окончании подготовительных курсов был 80-м в выпуске из 233, а старший класс окончил 157-м из 164 слушателей). Как служивший на Кавказе, он был после академии направлен к прежнему месту службы (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 56; Д. 1618. Л. 3). На май 1918 г. состоял в распоряжении начальника штаба Кавказского фронта. Приказом Закавказского правительства о чинах военных от 10 мая 1918 г. переведен в Генеральный штаб (Центральный исторический архив Грузии. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 9. Л. 73). Параллельно, приказом по Всероссийскому главному штабу № 18 от 27 июня 1918 г. переведен в Генеральный штаб в Советской России вместе с другими выпускниками курсов. Осенью 1918 г. Чернышев получил украинский паспорт и пытался уехать на родину, в Харьковскую губернию, однако сделать это не удалось – офицер застрел в Закавказье. В 1919 г. Чернышев уже служил в рядах ВСЮР. На июнь 1919 г. был прикомандирован к штабу командующего войсками в Терско-Дагестанском и Астраханском крае (Ганин, 2009. С. 534, 605). По данным на 1920 г., он остался в Азербайджане, дальнейшая судьба офицера пока неизвестна.

Судя по документам, Чернышев был русским патриотом и разделял имперские взгляды, не воспринимая новые независимые государства Закавказья вне Единой России, которая предоставит малым народам широкую автономию (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 31–31 об., 96, 139 об.). Офицер возглавил разведывательную сеть белых в Азербайджане, однако его деятельность в этом направлении завершилась арестом в апреле 1919 г.

Предыстория разоблачения Чернышева была следующей. В донесении прокурора ганджинского окружного суда прокурору азербайджанской судебной палаты от 25 апреля 1919 г. сообщалось, что в 20-х числах марта 1919 г. в гостинице «Центральная» в Гандже остановилась 22-летняя уроженка Пензы, дворянка Елисавета Ивановна Смыслова. Смыслова была студенткой 4-го курса исторического факультета Петроградского университета, а также обучалась на высших женских курсах и в академии восточных языков. В Петрограде она служила ремингтонисткой (так называли операторов пишущих машин «Ремингтон») и стенографисткой в Государственной Думе и в министерстве земледелия (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 12). Девушка даже собиралась издать учебник по своей профессии. В 1918–1919 гг. она проживала в Баку, на момент событий уже около девяти месяцев, служила в комиссариате просвещения и в военно-следственной комиссии, в канцелярии управления делами правительства Азербайджанской республики, а после увольнения в конце января 1919 г. – у нотариуса.

Девушка обратила на себя внимание проживавшего в гостинице командира сотни 2-го конного Карабахского полка 27-летнего есаула Самедбека Юсупова (Юсубова). Как уже отмечалось, Ганджа тогда являлась военно-административным центром Азербайджанской республики, где были сосредоточены многие военные учреждения. Данное обстоятельство, конечно, представляло интерес для разведки. Смыслова знакомилась с офицерами, приезжавшими в гостиницу и открыто расспрашивала их о численности азербайджанской

армии и ее вооружении, что не могло не вызвать подозрений.

Сам Юсупов подробно описал историю ареста Смысловой в документе, озаглавленном им «Краткая история об аресте г[оспо]жи Смысловой» (ГААР. Ф. 894. Оп. 2. Д. 88. Л. 54–55). Он отмечал, что вечером 26 марта пришел к себе в номер, а затем вышел пройтись в коридор гостиницы, где и встретил Смыслову, которая спросила, не является ли он русским офицером и спросила фамилию, имя и отчество.

Юсупов завязал знакомство, представившись русским офицером Георгием Александровичем Ивановым – сыном полного генерала, монархистом и богатым помещиком, владевшим имениями во Владикавказе и других местах. Офицер вошел в доверие и сумел побеседовать с девушкой не только в гостиничном коридоре, но и в ее номере. Смыслова сообщила, что приехала из Баку и взяла на себя тяжелые обязанности. Девушка тут же попросила у «Иванова» помощи в ее работе, обещая вознаграждение. Фактически первому встречному она поведала, что командирована в Ганджу от армии генерала Деникина и английского штаба собирать сведения об азербайджанской армии. По ее словам, в интересах английского штаба она вела сбор сведений о численности турецких офицеров в азербайджанских войсках и численности азербайджанских войск, а в интересах белых – о численности, дислокации, вооружении, дисциплине частей азербайджанской армии, а также о месте расположения арсенала (АПДУДПАР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 84. Л. 1–3). В половине десятого вечера разговор был прерван приходом команданта военного министерства полковника С.И. Иванова, который мог в беседе раскрыть личность Юсупова. Юсупов тут же ушел, а Иванов пробыл у девушки до 23.30.

Юсупов доложил обо всем начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту С.А. Сулькевичу, от которого получил инструкции и установил за Смысловой наблюдение (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 17 об.).

На следующее утро (и вплоть до 29 марта) Юсупов продолжил беседы со Смысловой. Он спросил, откуда та знала полковника Иванова. Как оказалось, знакомство произошло через полковника К.П. Михайловского – заведующего передвижением азербайджанских войск. С Михайловским Смыслова познакомилась, привезя ему письмо от бывшего жандармского офицера, генерал-майора князя С.А. Щетинина, служившего теперь у белых (Смыслова полагала, что генерал был к ней равнодушен, почему и написал рекомендательное письмо) (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 14). В письме Щетинина содержалась просьба устроить Смыслову в Главный штаб для журналистской работы, чтобы через нее проходили важные бумаги для передачи сведений старшему адъютанту (так в документе) Добровольческой армии капитану (впрочем, Смыслова, а вслед за ней и Юсупов именовали его полковником) Чернышеву в Баку. Тогда же Смыслова предложила Юсупову съездить к Чернышеву.

28 марта Смыслова написала две открытки на имя некоего Станислава Рудольфовича Зубера в Баку и Анны (Нелли) Федоровны Чернышевой – супруги Чернышева. Открытки девушка передала Юсупову с просьбой опустить их в почтовый ящик. Юсупов, разумеется, этого не сделал. Кроме того, Смыслова предложила Юсупову совместно отправиться в Баку к Чернышеву 6 апреля и передать ему собранные данные, а затем вернуться в Ганджу.

Пытаясь изобличить разведчицу, Юсупов попросил Смыслову изложить интересные ее вопросы в письменном виде, что она и сделала, набросав на клочке бумаги: «Число войск и вооружение». В свою очередь, Смыслова попросила Юсупова подготовить искомые данные в письменном виде на бумажке, вложенной в мундштук папиросы.

Клочок бумаги с просьбой Смысловой и открытки были переданы Юсуповым 29 марта в распоряжение начальника контрразведывательного отделения (по другим данным, это было сделано через генерала Сулькевича), который в тот же день

провел у Смысловой обыск и арестовал ее (Юсупов позднее утверждал, что лично арестовал девушку, хотя и докладывал обо всем контрразведке, но из документов дела видно, что арест и обыск проводили контрразведчики) (ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 40. Л. 2).

Смыслова обвинялась по статье 3-й Уголовного уложения и попала в Ганджинскую тюрьму. Дело находилось на контроле у начальника Генерального штаба. 30 марта 1919 г. начальник Генерального штаба генерал Сулькевич направил прокурору Ганджинского суда переписку о ней, содержащую две открытки, письмо, отметку на клочке бумаги, дознание, протокол обыска, рапорт заведующего передвижением войск и запечатанную связку найденных документов (ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 40. Л. 1, 2).

По всей видимости, способности есаула Юсупова, проявленные при задержании Смысловой, были оценены военным руководством по достоинству, в результате он сыграл определенную роль в становлении азербайджанской контрразведки. 31 марта 1919 г. начальник Генштаба генерал Сулькевич писал из Ганджи товарищу министра внутренних дел: «В виду предстоящего прибытия азербайджанских войск в Баку, 5-го апреля с. г., военный министр поручил мне организацию контрразведки в этом важном пункте. Для сей цели мною командирован есаул Юсупов, которому прошу не отказать в Вашем содействии. Открытые на днях попытки шпионажа в Гандже, о которых было сообщено министру внутренних дел телеграммой за № 1520, ясно указывают, что центр шпионской организации сосредоточен в гор[оде] Баку, причем работы ее направлены не только в войска, но и в правительство. Ввиду этого необходимо совместно дружно работать, организовать контрразведку в военном ведомстве и [в] уголовном розыском отделении министерства внутренних дел. Эта в высшей степени ответственная работа мною поручается только особо доверенным лицам, офицерам-мусульманам, так как доверять это дело русским или армянам, определенно враждебным нам, допустить не могу.

Думаю, что Вы держитесь такого взгляда, который необходим нам обоим для твердой постановки этого важного дела, для родины. Дело это требует той беззаветной преданности интересам республики, которой не купишь ни за одни деньги» (ГААР. Ф. 894. Оп. 2. Д. 88. Л. 53–53 об.; Азербайджанская демократическая республика..., 1998. С. 90–91). Адресат письма лично предложил губернатору оказать Юсупову полное содействие и согласовать с его действиями деятельность начальника бакинской сыскной полиции Г.Б. Фаталибекова.

Дознание по делу Смысловой в Гандже, начавшееся 29 марта, проводил и. д. начальника контрразведывательного отделения Главного штаба поручик Агаларов, а предварительное следствие – судебный следователь по наиболее важным делам И.И. Викторович.

Военный министр генерал С.Б. Мехмандаров телеграфировал министру внутренних дел 29 марта 1919 г.: «В Гандже арестована госпожа Смылова, обвиняемая [в] шпионаже [в] пользу Добровольческой армии и армянского правительства.

В виду несомненных доказательств [в] сборе сведений о вооруженных силах Азербайджана. [В] качестве соучастников ее работы обнаружены несколько офицеров Ганджинского гарнизона. В Баку находятся следующие ее же соучастники: Нелли Федоровна Чернышева, проживающая на Армянской улице, номер восемь, Музыкальное училище, жена офицера Генерального штаба, служившего [в] армянских войсках и ныне проживающего [в] Баку, Станислав Рудольфович Зубер, находящийся в Меркурьевской конторе Рыльских. Необходимо произвести обыск в квартире Чернышевой и немедленно арестовать, передав дело судебному следователю. Такой же обыск необходим [в] квартире Зубера. Госпожа Смылова прибыл [в] Ганджу из Баку с письмом бывшего начальника тифлисского железнодорожного жандармского управления князя Щетинина к заведывающему передвижением войск полковнику Михайлов[ском]у с просьбой оказать помощь и совет. Полагаю, что все нити шпионской организации сходятся [в] Баку и руководи-

Рис. 2. Военный министр генерал С.Б. Мехмандаров

Fig. 2. Minister of war General S.B. Mekhmandarov

телем является Щетинин как опытный жандарм, немедленный обыск и арест которого необходим. № 1520. Генерал Мехмандаров» (ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–8 об.; Азербайджанская демократическая республика..., 1998. С. 89). Поясним, что Рыльские – династия крупных бакинских нефтепромышленников. В документе, по всей видимости, речь идет об их конторе на ул. Меркурьевской в Баку.

Смылова не отпиралась и на допросе 30 марта чистосердечно признала себя виновной. По ее словам, она не руководствовалась политическими убеждениями, а действовала под давлением тяжелого материального положения и озлобления в связи с тем, что после девяти месяцев службы в правительственных учреждениях Азербайджана в качестве ремингтонистки, была неизвестно за что уволена. В английский Главный штаб на Садовой улице она обратилась сама в поисках работы. Англичане через переводчика предложили девушке отправиться в Ганджу, заплатили Смыловой 4000 руб. бонами и керенками и даже

не взяли расписку. В гостинице «Метрополь» Смыслова встретила полковника Лазарева (возможно, представителя главнокомандующего ВСЮР при британском штабе полковника М.П. Лазарева), который, узнав о ее затруднениях, посоветовал ей обратиться к воинскому начальнику. Смыслова воспользовалась советом, после чего к ней на квартиру явилась супруга Чернышева, установившая контакт. Затем Смыслова пришла на квартиру Чернышевых, где и состоялась вербовочная беседа. Чернышев пообещал ей 1000 руб. ежемесячно и выдал авансом 500 руб. на поездку в Ганджу (Чернышев имел неподтвержденные данные о строительстве там арсенала). Ни англичане, ни Чернышев не дали Смысловой никаких инструкций относительно способов сбора данных. В Ганджу она приехала 22 марта и начала действовать в меру своего понимания.

На допросе Смыслова показала: «Почему англичане и Чернышев остановились на мне, я не знаю. Дело шпионажа я совершенно не знаю. Не знала даже как взяться за него» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 14 об.–15). О том, как вести разведывательную работу, Смыслова не нашла ничего лучше, как поинтересоваться у разоблачившего ее Юсупова, что сильно его поразило – он почему-то решил, что перед ним матерая шпионка. Насколько можно судить, квалификация самого Юсупова немногим отличалась от познаний Смысловой. Как бы то ни было, по недомыслию неподобающего агента произошел провал набиравшей силу разведывательной сети белых в Азербайджане.

Лишь 11 мая 1919 г. следствие изучило изъятые у Смысловой документы. Среди них оказались: открытка на имя А.Ф. Чернышевой о планах Смысловой приехать в Баку к 6 апреля для совета с врачом, листок бумаги с карандашной надписью «Число войск снаряжения», листок бумаги с карандашной надписью «Нелли Федоровна Чернышева», письмо князя Щетинина на имя К.П. Михайловского от 20 марта с просьбой позаботиться о Смысловой в Гандже, письмо Смысловой С.Р. Зуберу, письмо некоему Леониду Григорьевичу, в котором

Смыслова сообщала, что служила в чрезвычайной следственной комиссии и указывала на наличие неких вечерних занятий, за которые ежемесячно получала 1200 руб., русско-болгарско-румыно-турецкий военный переводчик, самоучитель английского языка и тетради с упражнениями, учебник и тетради по стенографии, тетрадь с упражнениями по японскому языку, упражнение по итальянскому языку, тетради по истории и другие бумаги (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 136–137 об.). Большинство бумаг были признаны не относящимися к делу.

2 апреля следователь И.И. Викторович в Баку произвел ночной обыск на квартире Чернышева. Были изъятые удостоверения, документы о прежней службе офицера, папка с бумагами. Однако наиболее важные результаты дал личный обыск 19-летней А.Ф. Чернышевой, который произвела сотрудница Викторовича. На корсаже у Чернышевой обнаружился брезентовый бумажник с докладными записками: «Форт Александровский и Мангышлакский полуостров. Военно-политический и исторический очерк», «Разведывательная сводка за период с 15 по 22 марта», «Разведывательная сводка к 15 марта», «Разведывательная сводка за период с 22 по 29 марта» и «Отчет начальнику штаба войск Западно-Каспийского побережья о деятельности агентурной разведки за период с 20 февраля по 20 марта 1919 г.» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 22 об.–23; АПДУДПАР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 84. Л. 3; см. Приложение). Была найдена и разведывательная сводка штаба войск Западного Каспийского побережья к 10 марта 1919 г., подписанная за начальника штаба командующего полковником Г.П. Татоновым и заверенная старшим адъютантом разведывательного отделения капитаном Ростовцевым (штаб – Петровск-порт). Сводка включала информацию, предоставленную ранее Чернышевым. Кроме того, у Чернышева были изъятые карты. На следующий день был проведен обыск в служебном кабинете Чернышева, однако там ничего заслуживающего внимания не обнаружили (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 141).

**Рис. 3. Баку. Бывшая Армянская улица, на которой был произведен арест Чернышевых. 2014 г.
Фото автора**

Fig. 3. Baku. Former Armyanskaya street, where Chernyshevs were arrested. 2014. Photo by the author

Документы раскрыли почти полную картину работы белой разведки в Азербайджане. Дело в том, что Чернышев не успел уничтожить основополагающий отчет о своей месячной работе за период с 20 февраля по 20 марта, в действительности охватывающий и более поздний период, по крайней мере, до 24 марта (см. Приложение). В результате вся его деятельность стала известна азербайджанским властям. Сведения о последующих достижениях белых разведчиков за конец марта дополняет последняя разведсводка Чернышева по 29 марта, составленная практически в канун ареста Чернышева. Поскольку не было ясности, кто переписывал разведсводки, была назначена почерковедческая экспертиза (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 186). Возникли подозрения, что этим занимался сын бакинского воинского начальника Докучаева (возможно, речь шла о генерал-майоре Г.А. Докучаеве, который руководил обороной Баку в августе 1918 г., а с лета 1919 г.

служил у белых), выбывший из Баку 4 апреля 1919 г. Следствие предпринимало и другие нетривиальные действия. Так, желая удостовериться, нет ли в сообщении Смысловой о заказе сапог шифра, проверяли, был ли сделан подобный заказ. Проверка показала, что такого заказа не было (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 185–185 об., 190 об.).

Из обнаруженных у Чернышевой документов следует, что белая разведка в Азербайджане с самого своего возникновения активно взялась за дело. Основное внимание деникинских разведчиков в Азербайджане было привлечено к деятельности большевистского подполья, ориентированного также и на работу в Закаспийской области. Был установлен надзор за председателем местного подпольного комитета большевиков. В этом направлении белая разведка тесно взаимодействовала с англичанами, причем эта деятельность выходила за пределы Азербайджана, охватывала Грузию и Закаспийскую область, где

задерживались большевистские курьеры (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 79 об.).

Ситуация в Восточном Прикаспии, связанном тогда экономически и политически с западным побережьем (в особенности на фоне разрухи на железных дорогах и наличия фронтов), также находилась в сфере интересов белой разведки в Азербайджане. Так, было обращено внимание на освещение положения в районе Форта Александровского, где был оставлен постоянный агент (в Форту с дореволюционных времен имелась мощная радиостанция, принимавшая сообщения из Астрахани, Ташкента, Москвы, Асхабада и Гурьева, что в условиях колоссального дефицита информации было крайне важно для разведчиков). Резидентура была организована и в Закаспийской области. Для следствия представляло интерес письмо Чернышева в Закаспий от 17 марта 1919 г., в котором раскрывались некоторые организационные вопросы.

Другим важным направлением работы стало изучение деятельности в Баку горцев Северного Кавказа, причем освещалась и непосредственно территория Северного Кавказа.

Белые разведчики активно интересовались положением на Мугани – в исторической области, расположенной между Карабахом и Каспийским морем, где проживало немало русских. Там разворачивалась локальная Гражданская война, в которой особую роль играл национальный фактор.

Через одного из представителей азербайджанского военного ведомства удалось установить отношения с Тифлисом. Свою роль в этом играла прежняя корпоративная солидарность офицеров по русской армии. Предпринимались попытки наладить контакт и с грузинским военным атташе в Баку (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 81).

Более того, велась разработка и в отношении англичан. Например, в конце марта Чернышев докладывал о подготовке англичанами флота для операции против Астрахани (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 99). При этом фиксировалось прогрессирувавшее разложение британских войск.

Чернышев анализировал и открытые источники – азербайджанскую печать, ма-

териалы парламентских слушаний, выявляя интересовавшие его сведения военно-политического характера. Предпринимались попытки установить контакты с правительственными чиновниками для получения через них важнейших документов. Этому должно было способствовать широко распространенное взяточничество. Как вспоминал осведомленный очевидец, в Азербайджане «страшное взяточничество было развито во всех учреждениях, как местных, так и центральных правительственных органов. За определенную плату тому или другому всесильному чиновнику, вплоть до министра, можно было добиться всего...» (Байков, 1923. С. 172).

Оплата труда агентам была установлена сдельная, что позволяло работать эффективнее. Донесения оценивались по 12-балльной шкале, причем за высший 1-й балл выплачивалось 5 руб. Документы особой важности оценивались особо.

В разведсводках отмечалось, что уход русских войск из бакинского района осложнил положение русского населения. Особенно тревожной стала обстановка на Мугани. Велико было недовольство англичанами, которые поддерживали закавказских националистов. В разведсводке к 19 марта с тревогой отмечалось, что именно англичане требовали вывода русских войск из бакинского района, причем отношение к русским представителям стремительно ухудшалось. По мнению составителя сводки, англичане считались лишь с реальной силой. Со стороны азербайджанских властей отмечалось враждебное отношение к белым. Среди прочего были приняты меры против русских офицеров – запрещено носить военную форму (в отношении других армий такого запрета не было) (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 88–89). Кроме того, азербайджанские власти пытались захватить оставленные русскими военные склады. Шла зачистка правительственных учреждений от русских чиновников, либо перевод последних на второстепенные посты. Как отмечалось, нередко на освободившиеся места назначались безграмотные люди, но азербайджанцы по национальности.

В разведсводке к 15 марта 1919 г. Чернышев предлагал восстановить русское военное присутствие в Азербайджане, если же это невозможно, ратовал за утопическую идею отзыва из Азербайджана русских военных специалистов, чтобы лишить формировавшиеся азербайджанские структуры квалифицированных кадров (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 95 об.–96). По его мнению, если этого не сделают русские власти, такой шаг предпримет Азербайджан, «с той лишь разницей, что русские мозги и руки будут выдавливаться постепенно по мере развития собственных сил и средств, что может быть совершенно, хотя и плохо, но так же молниеносно, как это было в Грузии, где под давлением вспыхнувшего национализма простой грузин-садовник русской школы занял место министра земледелия, а последний сторож был выброшен с семьей на улицу лишь потому, что он был русским.

И русский офицер, солдат и чиновник в Азербайджане испытывает тревогу за будущее, чувствует удары по национальному самолюбию, но вынужден скрывать их боль, потому что для одних “нет приказа”, для других “нет исхода”» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 96).

Белая разведка фиксировала активизацию поддержки Азербайджаном сепаратистских движений горцев Северного Кавказа. Эти силы в азербайджанском руководстве воспринимались как буфер, отделяющий страну от деникинцев, выступавших за единую и неделимую Россию. Параллельно наблюдалось сближение с Грузией и стягивание азербайджанских войск к границам Дагестана. Белая разведка констатировала, что теперь Азербайджан сильнее, чем при турецкой оккупации, стал проводить курс на отрыв от России (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 89 об.).

К 20-м числам марта 1919 г. один из агентов Чернышева сумел внедриться в открывшееся политическое отделение бакинского сыскного отделения (причем штат политического отделения предусматривал только 10 человек) (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 97). Как позднее установило следствие, этим агентом был А.А. Окоев. В сфере компетенции отделения находились розыск

большевиков, контрреволюционеров, офицеров Добровольческой армии, в том числе ее контрразведчиков в Баку. Разумеется, внедрение в такую структуру на этапе ее создания было огромной удачей белой разведки. Чернышев рассчитывал, что получится влиять на работу отделения и добывать важнейшую информацию. В связи с назначением азербайджанского представителя на Кубань Чернышев интересовался, кто будет представлять Кубань в Азербайджане, чтобы войти с этим лицом в агентурную связь. Следует отметить, что дипломатического представителя ВСЮР в Азербайджане тогда не было, что, конечно, осложняло и работу разведки, закрывая легальные каналы деятельности и возможности дипломатического прикрытия.

Особый интерес представлял анонимный доклад об организации разведки при штабе главной кавказской армии, где излагались принципы, на которых должно было базироваться создание разведывательной службы в регионе. Речь шла еще о разведке штаба отряда Л.Ф. Бичерахова. Тем не менее, есть основания полагать, что принципы, изложенные в документе, были взяты Чернышевым за основу построения собственной разведывательной сети. Определялись три задачи разведки: сбор сведений о местном населении, сбор сведений о противниках возрождения Единой России (большевиках, сепаратистах, националистах), сбор данных о соседних народах и государствах (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 155 об.). Информацию предполагалось собирать при помощи верных идей Единой России резидентов и агентуры, контролеров-разведчиков и опроса всех прибывающих из регионов, находящихся в сфере интересов разведки. Материалы также должна была поставлять армейская разведка на основе опроса пленных, перебежчиков, воздушной разведки (очевидно, с уходом русских войск это направление отпало). Организация разведки планировалась в Терской области, Дагестане, Астраханском районе, Ставропольской, Елисаветпольской, Тифлисской, Эриванской губерниях, на Апшеронском полуострове (там же должен был располагаться центральный орган разведки)

Таблица 1
Table 1**Предполагаемая агентура капитана
А.С. Чернышева по найденным у него
финансовым документам**(Сост. по: ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 32,
149 об.–150)**Supposed agents of Captain A.S. Cherny-
shev found on his financial records**(Based on: SAAR. F. 6. Inv. 2. F. 2. P. 32,
149 oth.–150)

и на границе с Персией. Для этих целей создавались три разведывательных группы – Петровская, Тифлисская и Апшеронская (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 159). К проекту прилагалась детальная программа разведки.

Характеристику политических взглядов Чернышева дополняет изъятый у него черновой набросок текста о целях «Российского ордена партизанов» (цель – объединение всех духовных и физических сил для активной борьбы за возрождение Единой России на началах федеративного устройства с широкой автономией) (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 139 об.). Впрочем, следствие этот прожектёрский документ не заинтересовал – взгляды основной массы русских офицеров того времени были известны. Обнаруженные материалы были тщательно изучены и. д. ганджинского окружного судебного следователя в конце апреля – мае 1919 г.

Раскрытию агентурной сети Чернышева способствовали сохранившиеся у него финансовые документы (Табл. 1). В частности, был обнаружен список из девяти агентов с указанием выплаченных им средств. Были изъятые и расписки о получении выплат.

Так следствие вышло на тройного агента А.А. Окоева, сотрудничавшего с белыми и англичанами, а также работавшего в бакинском сыском отделении. Как выяснилось, 22-летний поручик армянского происхождения А.А. Окоев по заданию белых поступил на службу в бакинское сыское отделение с целью влиять на его деятельность и получать нужные сведения. Были проведены обыски у генерала Щетинина и Зубера (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 24, 25). Постановлением от 4 апреля судебный следователь привлек Чернышева, его жену и поручика Окоева в качестве обвиняемых по статье 3-й Уголовного уложения (как и Смыслову). Арестанты содержались в Баиловской тюрьме Баку. В отличие от Смысловой виновными они себя не признали. Однако на допросах открылись интересные детали противоборства спецслужб в Азербайджане.

Сын армянина и француженки Окоев родился в Париже, считал себя французом,

Предполагаемый агент Supposed agent	Жалованье (руб.) Salary (rub.)	За какой период For what period
Агоев Agoev	1000	за 20 дней марта for 20 days of March
Барчихиянц Barchihiyantz	260	за 13 дней for 13 days
Бейер Beyer	400	с 17 марта for 17 March
Игумнов Igumnov	600	за март for March
Окоев А.А. Okoev A.A.	720	с 7 по 31 марта for March, 7 to 31
Орлов Orlov	300	за 10 дней for 10 days
Смылова Е.И. Smyslova E.I	500	с 20 марта for March, 20
Цалогов Tsagalov	900	за 15 дней for 15 days
Честноков В.А. Chestnokov V.A.	750	за 15 дней for 15 days

при женитьбе из католичества перешел в православие, причем, будучи связан с Францией, «задался себе целью работать всегда в пользу союзников» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 33 об.). Он обучался в лицее в Париже, а затем выдержал экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда при Бакинском реальном училище. В Баку жил с декабря 1918 г. Окоев показал, что «никогда не служил в разведке против Азербейджана, но занимал должность секретного

разведчика при комиссаре союзных держав в гор. Баку до 1-го марта с. г. и занимаю такую же должность с 1-го марта до сего времени в отделе контрразведки английского штаба. С ведома полковника Коккереля¹ я с конца февраля с/г. до 7-го марта служил в оперативном отделении штаба Бичерахова у капитана Чернышева, которому давал сведения о местных большевиках, а штабу полиции союзных держав давал сведения, требуемые комиссаром этой полиции, сведения эти заключались в том, что я должен был установить действительно ли армия Бичерахова раздает оружие бакинским рабочим секретно от английского штаба. С этой целью я прослужил у Чернышева 20 дней. О моей миссии Чернышеву ничего не было известно, за мою службу в отделе Чернышева я получил от него 780 руб. или 760 руб. из расчета 900 руб. в месяц. Я категорически утверждаю, что прослужил в оперативном отделе у Чернышева лишь до 7-го марта. Что касается службы моей в сыскной полиции гор. Баку, то такая фактически началась с 27-го марта с/г.» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 32 об.). Добавим, что англичане выдали Окоеву разрешение на ношение оружия.

В начале апреля, не покидая службы в английском штабе и у Чернышева, Окоев действительно поступил в бакинское сыскное отделение, но якобы не по собственной инициативе, а по предложению бакинского губернатора, оценившего его способности в связи с другими вопросами. Впрочем, сам бакинский губернатор Рашид бек Ахунд Заде, допрошенный по этому делу, версию Окоева не подтвердил. Вместе с начальником сыскного отделения Гасан беком Фаталибековым они показали, что в сыскное отделение Окоева приняли по его собственной настойчивой просьбе агентом-конспиратором, причем знали, что он служил в английской контрразведке. Сам Окоев заявлял, что в одновременной службе в нескольких местах проблемы не видел.

Окоев при этом представлялся осетином, скрыв препятствовавшее внедрению армянское происхождение (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 37). На новом месте Окоев занимался выявлением большевиков и установлением данных о вывозе оружия из селения Маштаги. При этом он поддерживал дружеские отношения с Чернышевым, считая того полезным для сбора информации в интересах англичан.

Допрошенный 7 апреля Чернышев отказался от показаний по существу до тех пор, пока ему не будет «предъявлен акт международного значения о том, что русская военная разведка велась мною не на территории еще России², а на территории уже Азербейджана. Полагаю, что вопрос этот может еще решить только мирная конференция, почему до ее решения это еще Россия, на которой русская военная разведка вполне естественная и законна» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 30 об.). Этим заявлением офицер как бы демонстрировал, что не признает такое независимое государство.

Рассуждая о целях своей работы, Чернышев сказал: «Революция, а затем и анархия распылили народы России и доказали, что прежний государственный строй отжил свои формы и не в силах удовлетворить запросы многочисленных народов России в отношении их культурного развития и самобытности.

И для того, чтобы скорей найти новые формы, для того, чтобы найти скорей общий язык для объединения на началах широкой автономии, при которой все народы России могли бы проявить свои национальные дарования, русская военная разведка поставила себе целью способствовать этому объединению.

Я глубоко верую, что только при этих условиях маленькие народы России, связанные с ней культурно, исторически и географически, не будут эксплуатироваться экономически и политически чуждой им третьей силой, что только при общем объе-

¹ Полковник Ф.П. Коккерель занимал пост комиссара военной полиции союзных держав в Баку.
Colonel F.P. Cockerell served as a commissioner of military police of the Allied Powers in Baku.

² Здесь и далее – подчеркнуто Чернышевым.
Here and after – stressed by Chernyshev.

динении будет слышен их голос среди великих держав, решающих судьбы мира.

Я верую, что только тогда, когда будет, наконец, найден общий язык среди бури революции и анархии, только тогда, когда, наконец, будут найдены принципы для объединения всех народов России на началах широкой автономии, – будет обеспечена их безопасность, достигнуты прочность государственного строительства и культурное развитие.

Вот основная цель разведки, ее идея, в искренности чего есть и документальные доказательства, проходящие красной нитью в моей разведывательной деятельности на Апшеронском полуострове» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 31–31об.).

Чернышев отметил, что его деятельность не преследовала технически военных целей, поэтому он не мог давать тех поручений, о которых говорила Смыслова. Более того, он не был командирован в Баку белым командованием для определенной миссии, а лишь случайно здесь остался после ухода отряда генерала М.А. Пржевальского, так как был назначен ликвидировать имущество складов отряда. Кроме того, Чернышев заявил, что не давал никаких поручений Смысловой.

Супруга Чернышева на допросе в тот же день сообщила, что ничего не знает о деятельности мужа, кроме того, что тот занимался «контрразведкой» для Добровольческой армии. Ее знакомство со Смысловой произошло случайно, а встречались они не более 2–3 раз. При этом Смыслова якобы называла себя «опытной разведчицей». Обнаруженный бумажник, в котором нашлись основные компрометирующие бумаги, Чернышева получила с началом обыска от мужа, но о содержимом не знала. Из допроса выяснились и еще некоторые имена лиц, возможно, причастных к агентурной сети Чернышева. В дополнительном показании Чернышев заявил, что его супруга никакого участия в разведывательной работе не принимала, «и в момент передачи бумажника с документами для сокрытия содержания этих документов в бумажнике не знала. Удостоверяю, что она попала совершенно случайно и никакого касательства к развед-

ке не имела» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 29 об., 34).

Велся поиск агентуры Чернышева, причем арестовывались все, кто приходил к нему на квартиру. В результате всех следственных мероприятий арестованы были: сам Чернышев, его супруга А.Ф. Чернышева, поручик А.А. Окоев (Окоянц), капитаны Н.Д. Жуков (03.04) и Петров, штабс-капитан Е. Калинин, штабс-ротмистры А.А. Касимов (04.04) и В.А. Честноков (09.04), корнет В.П. Иорданов (02.04), капитанармус А.П. Буланкин (03.04), денщик Чернышева солдат И.С. Циховский (03.04), чиновник военного времени С. Клещевский, присяжный поверенный И.Г. Луцкий (Луцкин) (03.04), инженер С.М. Ременников (03.04), а также денщик Ременникова Н. Акопянц (03.04). Денщиков вскоре освободили. После перевода арестованных в Ганджу 11 апреля только капитан Петров оставался в бакинской центральной тюрьме (ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 18).

Начальник Ганджинской тюрьмы писал прокурору Ганджинского окружного суда в апреле 1919 г.: «11 сего апреля начальник разведывательного отделения войск Азербейджанской республики без всяких документов доставил во вверенную мне тюрьму Семена Ременникова, Евгения Калинина, Сергея Клещевского, Иосифа Луцкого, Алексея Касимова, Александра Окоева, Владимира Иорданова, Александра Чернышева, Нимим [?] Чернышеву, Владимира Честнакова, Николая Жукова, Иосифа Чеховского, Николая Акопянца и Антона Буланкина, из числа коих согласно отношения его же от 13 сего апреля с/г за № 15 денщики Акопянц и Чеховский были освобождены, в отношении же остальных тем же отношением просит содержать под стражей до skonчания дознания, постановления же на означенных выше лиц до сего времени ни кем не прислано за исключением Честнакова, на которого имеется пост[ановление] следов[ателя] Викторовича.

Ввиду вышеизложенного прошу Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение

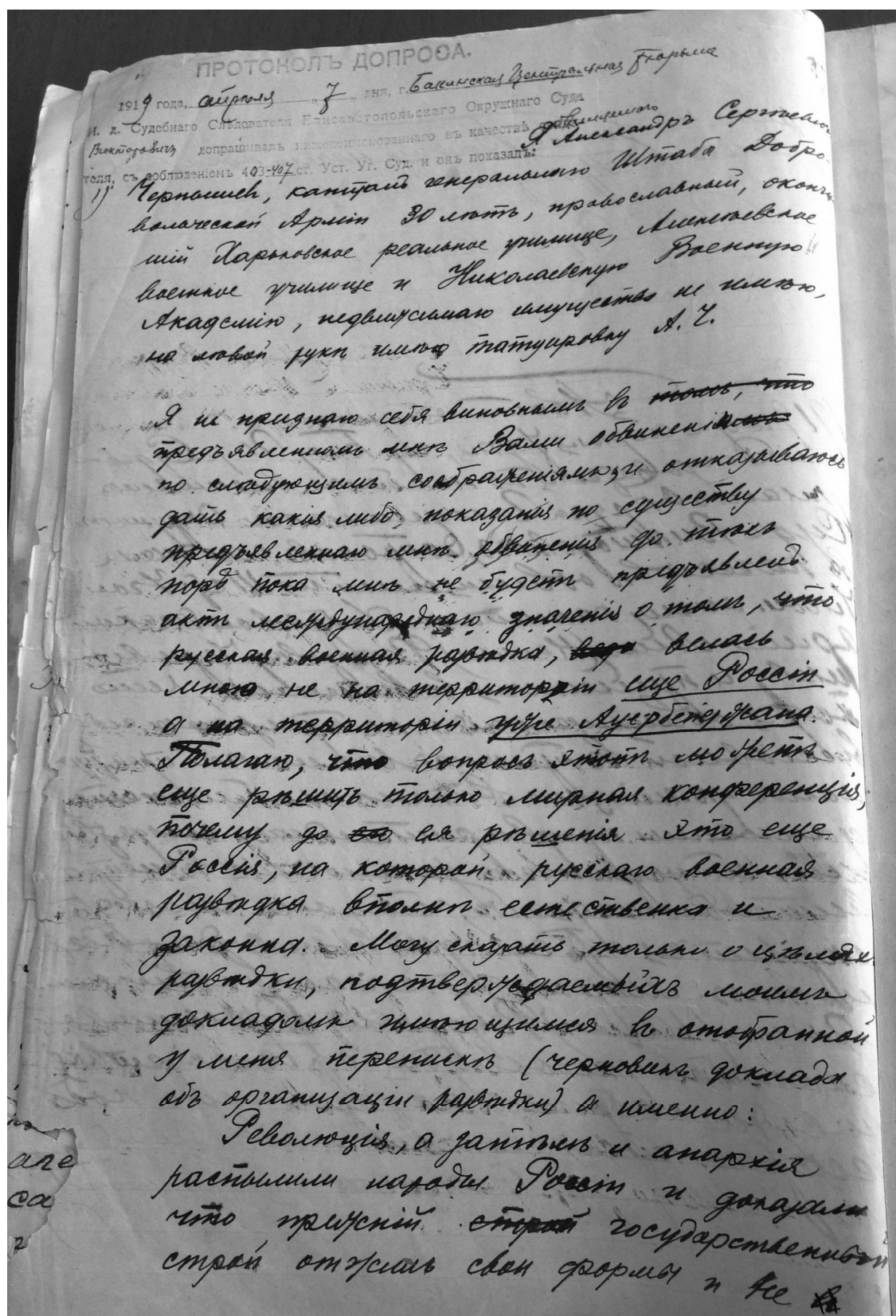

Рис. 4. Протокол допроса А.С. Чернышева. Государственный архив Азербайджанской республики. Публикуется впервые

Fig. 4. Transcript of interrogation of A.S. Chernyshev. State Archive of the Azerbaijan Republic. Published for the first time

о скорейшей высылке на вышеозначенных лиц копии постановления.

Начальник тюрьмы М. Складов» (ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–21об.).

Если арест Окоева был несомненным успехом контрразведки, то в некоторых других случаях вместо агентов попадались косвенно причастные к делу лица. Бывший сослуживец начальника Главного штаба генерал-майора Г.Б. Салимова штабс-ротмистр Честноков служил в Муганском кавалерийском полку отряда Бичерахова. По расформировании отряда 1 февраля 1919 г. устроился на новое место службы – в формировавшийся отдельный конный дивизион отряда Пржевальского (бывший отряд Бичерахова) рядовым. Такое положение Честнокова не устраивало. В качестве подработки он подрабатывал сопровождать транспорт с оружием для Уральской армии на пароходе «Николай», который следовал в Форт Александровский. Тогда офицера вызвал начальник штаба отряда Пржевальского генерал-майор Б.П. Лазарев, заявивший, что он в скором будущем назначается помощником военного министра Закаспийского правительства и хотел бы знать обстановку в Форте Александровском. Честноков согласился предоставить такие сведения, однако задержался в Форте и по возвращении в Баку штаба Пржевальского там уже не застал. Офицер нагнал штаб в Петровске, но в причитавшихся деньгах ему отказали (генерал Лазарев уехал в Закаспийскую область, а денежный ящик отряда украли), выдав лишь предписание на имя заведующего ликвидацией отрядного имущества в Баку капитана Чернышева о выплате суточных. Доклад о Форте пришлось передать Чернышеву для направления Лазареву в Закаспий (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 49), здесь же Честноков получил деньги. После этого Честноков отправился в Ганджу к генералу Г.Б. Салимову, на протекцию которого при устройстве на службу рассчитывал. Салимова он в городе не застал и вернулся в Баку. Не найдя Салимова и там, он отправился к своему знакомому Чернышеву, где и был арестован. Произошло это 9 апреля. Виновным в шпионаже в пользу белых Честноков себя не признал, однако

его фамилия фигурировала в списке агентов, изъятом у Чернышева. Честноков показал, что знал Чернышева как своего старого сослуживца по 5-му Кавказскому стрелковому полку, адъютантом которого тот был, а сам факт того, что Чернышев руководил разведывательным отделением в отряде Пржевальского, секретом в Баку не являлся. Изъятые у Честнокова документы следствие не заинтересовали. Однако 18 мая 1919 г. Честноков умер в тюрьме от сыпного тифа (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 169).

Начальник бакинской сыскной полиции Г.Б. Фаталибеков в связи с делом Чернышева установил негласное наблюдение за начальником автоколонны Прикаспийского отряда Добровольческой армии 27-летним полковником И.В. Цветковым. В ходе наблюдения была установлена связь Цветкова и Чернышева. При этом в разведсводке штаба Западного Каспийского побережья к 10 марта, возможно, на основании данных самого Чернышева, Цветков удостоился отрицательной характеристики: «Вызывает удивление поведение начальника автоколонны “полковника” Цветкова, который действует солидарно с рабочими автоколонны и “свой человек” в рабочем клубе» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 83 об.). 22 апреля начальник бакинской сыскной полиции задержал Цветкова, у которого были изъяты документы, блокнот и записная книжка, записка Чернышева, записка полковника Лазарева в получении шифра и другие документы. Под надзор полиции попали полковники Лазарев и В.В. Макаров. На квартире последнего 8 апреля прошел обыск, причем среди прочего были найдены переписка с генералом И.Г. Эрдели, полковником Лазаревым, шифр и две шифротелеграммы (ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–14).

Как выяснилось, Цветков имел в своем распоряжении большое количество взрывчатых веществ, запасы патронов, оставшееся от отряда Бичерахова автомобильное имущество (102 автомобиля). Автомобильное имущество распродавалось частным лицам и армянским организациям, а деньги обращались в пользу Добровольческой армии (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 69–70). При

обыске у Цветкова нашли записи, свидетельствующие о его связи с Чернышевым (последний помимо нелегальной работы официально возглавлял ликвидационную комиссию по имуществу Добровольческой армии). Цветков обвинялся в хранении взрывчатых веществ и в связи с делом Чернышева (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 67, 103). Кроме того, в марте 1919 г. Цветков отправлял в штаб в Петровск шифротелеграммы. По всей видимости, речь шла о попытке вывезти русское автомобильное имущество из Азербайджана, хотя бы походным порядком. 24 апреля арестованный был передан в контрразведывательный отдел при штабе азербайджанской армии.

В гостинице «Столичные номера» был арестован и полковник В.П. Лик, у которого изъяли ряд документов, включая секретную переписку с начальником штаба 1-й Кавказской стрелковой бригады белых, действовавшей в Закаспийской области, капитаном И.И. Фалилеевым. Арестованных содержали в бакинской центральной тюрьме, откуда они были направлены в Ганджу в распоряжение военной контрразведки (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 68, 74). В своих показаниях В.П. Лик отметил, что был назначен комендантом 1-й Кавказской стрелковой добровольческой бригады в Баку для переотправки в Закаспий добровольцев из Тифлиса. Непосредственно из Баку, по его словам, Лик никого для отправки не записывал. Впрочем, бакинская полиция придерживалась иной точки зрения, а азербайджанские власти всячески препятствовали отправке – арестовывали офицеров, задерживали солдат, в особенности мусульман буферной между белыми и Азербайджаном Горской республики (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 107). Юридически Лик подчинялся представителю Закаспийского правительства в Азербайджане Ю.Е. Джунковскому (сыну видного деятеля этого правительства Е.П. Джунковского), тесно связанному с англичанами, но фактически работал на белых. Чернышева лично он не знал и познакомился с ним уже в ганджинской тюрьме. 28 апреля Цветков и Лик были освобождены за отсутствием состава преступления (ГААР. Ф. 6. Оп. 2.

Д. 2. Л. 75, 109, 112). Изъятые деньги и документы были им возвращены. Впрочем, расследование было продолжено в связи с обвинением в хранении взрывчатых веществ.

Азербайджанская контрразведка, как и имевшиеся в Азербайджане разведывательные органы деникинцев, находились весной 1919 г. в зачаточном состоянии. Насколько можно судить по документам, четкого разграничения разведки и контрразведки в азербайджанской армии не существовало. Разведывательное и контрразведывательное отделение подчинялось отделу (управлению) генерал-квартирмейстера Главного штаба. Возглавлял его корнет (позднее – поручик) Агаларов. По проекту штата отделения предусматривались должности начальника (штаб-офицера с содержанием по должности командира полка), 2 помощников (овер-офицеров с содержанием по должности командира батальона), 2 писарей (в том числе одного машиниста), 23 агентов по разведке (с содержанием по 1000 руб., обсуждался вопрос о том, что на первое время достаточно 12 агентов) (ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 3. Л. 10). Реальное состояние отделения было еще менее впечатляющим. Осенью 1919 г. была предпринята попытка организации военной контрразведки в МВД под названием «Организация по борьбе с контрреволюцией» (ГААР. Ф. 894. Оп. 7. Д. 25), однако решение вопроса затянулось до весны 1920 г., когда Азербайджан был советизирован.

В Баку при аресте Чернышева и других отделением было израсходовано 1930 руб. Эти расходы были утверждены начальником Генштаба. Интересно, что всего мартовский бюджет азербайджанской разведки и контрразведки составил 11 530 руб. (в том числе жалование 7 агентов (3 – по 500 руб., 2 – по 1000 руб. и 2 – по 250 руб.) – 4000 руб.; содержание 2 конспиративных комнат в Гандже – 600 руб.; вознаграждение частных лиц, дававших сведения, – 2000 руб.; разъезды агентов, телеграммы и междугородний телефон – 3000 руб., расходы по организации ареста Чернышева и других – 1930 руб.) (ГААР. Ф. 2901. Оп. 1. Д. 9. Л. 1). Апрельская смета включала 600

руб. на съем квартир, 2600 руб. на вознаграждение частным лицам, дающим сведения и 3000 руб. на разъезды, телеграммы и телефонные звонки 7 агентов (ГААР. Ф. 2901. Оп. 1. Д. 9. Л. 4). За первую половину мая на оплату жалования агентам было истребовано 3250 руб. (ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 3. Л. 29). Агентура азербайджанской контрразведки, судя по документам, ограничивалась следующими лицами:

Таблица 2
Table 2

**Агенты азербайджанской контрразведки
(март 1919 г.)**
**Agents of the Azerbaijan counterintelligence
(March, 1919 г.)**

Фамилия, имя Surname, First name	Местонахождение Location	Жалованье (руб.) Salary (rub.)
Кейгубат-Ага Keygubat-Aga	Шуша и Агдам	1000
Кулиев Али Kuliev Ali	Ганджа Gandja	1000
Новруз-оглы Аббас Novruz-Ogly Abbas	Казак Kazakh	500
Кашиев Давид Kashiev David	в разъезде traveling	500
Саниев Бахтияр Saniev Bakhtiyar	при разведывательном отделении at the intelligence department	500
Ибрагимов Мовсум Ibragimov Movsum	в разъезде traveling	250
Ших-Алы-оглы Азиз Shih-Aly-ogly Asis	при разведывательном отделении at the intelligence department	250

В роли временных агентов выступали: есаул С. Юсупов, получивший 350 руб., горничная гостиницы «Централь», получившая 100 руб., а также И. Вахрамаибеков, получивший 300 руб. (ГААР. Ф. 2901. Оп. 1. Д. 9. Л. 9). В результате разоблачения белой агентуры, финансирование спецслужб, по всей видимости, возросло. Только на разведывательную работу в отношении Дагестана и ВСЮР в августе 1919 г. было выделено 10 000 руб., впрочем, результата этой работы представлено не было (ГААР. Ф. 2901. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–9).

Расследование продолжалось около двух месяцев. Был допрошен целый ряд лиц, как обвиняемых, так и свидетелей. Уже 17 апреля было постановлено освободить супругу Чернышева на поруки за 5000 руб., поскольку ее «оставление... под стражей при настоящем положении дела является крайне суровой мерой пресечения» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 66). Впрочем, отпущена она была только 28 апреля, а на следующий день ей возвратили паспорт супруга (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 113, 115 об.).

Генерал Сулькевич был, очевидно, все-ррез обеспокоен успехами белых разведчиков. Не случайно он писал азербайджанскому военному атташе в Тифлисе полковнику М.-Б. Алиеву: «У Чернышева найдены при обыске весьма важные документы, открывшие всю сеть его агентуры, между прочим, один из его агентов армянин-офицер оказался одновременно на службе у англичан и в бакинском сыском отделении. Есть основания думать, что во главе разведки Добровольческой армии в Грузии стоит г[енерал]-л[ейтенант] Шатилов. Предупредите н[ачальни]ка грузинского Генерального штаба, чтобы были осторожны и, пока не выехали из пределов государства подозрительные элементы, что будем делать и мы в Баку и других городах» (ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–10).

22 апреля Сулькевич писал прокурору Ганджинского окружного суда: «Необходимо ориентировать председателя Совета министров в деятельности Генерального штаба капитана Чернышева. Военный министр поручил мне просить Вас прислать

копии важнейших документов, отобранных при обыске у всех числящихся за Вами арестованных в Ганджинской тюрьме, а в первую голову – бумаги, найденные у капитана Чернышева» (ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 40. Л. 3). В мае председателю Совета министров было доложено содержание разведсводки, изъятой у Чернышева (ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 26. Л. 22).

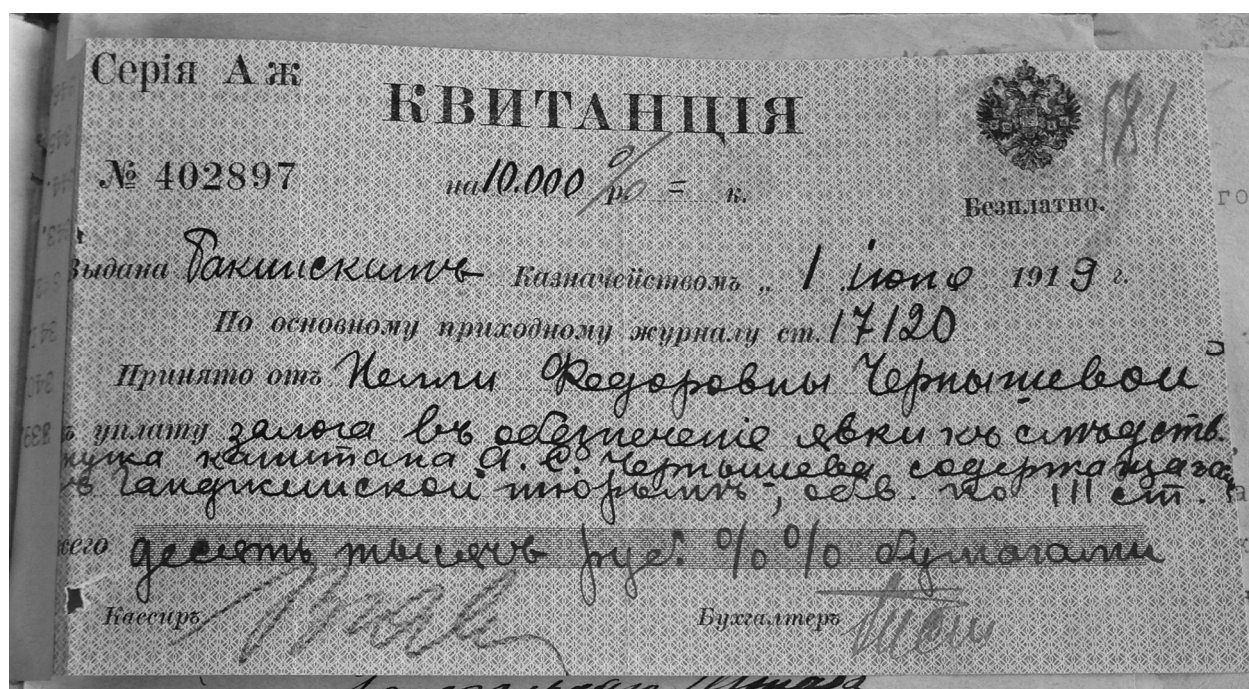
Тогда же дипломатический представитель Союза горцев Кавказа сообщил в азербайджанское МВД о деятельности агентов Добровольческой армии в пределах Азербайджана в отношении вербовки горцев и направления их в Закаспий. Но из министерства пришел ответ, что оно не имеет возможностей этому противодействовать в каждом конкретном случае (ГААР. Ф. 894. Оп. 4. Д. 100. Л. 3, 9.).

Поскольку нити от Чернышева тянулись к англичанам, в Главный штаб и к высшему руководству Азербайджанской республики (Стеклов, 1928. С. 26), началась проверка азербайджанских офицеров и чиновников, замешанных в этом деле. Эти лица были вынуждены давать показания и оправдываться. Как выяснилось, 22–23 марта Смыслова (по одному из свидетельств, «размалеванная барышня») приходила в Главный штаб к полковнику Михайловскому с просьбой о трудоустройстве и рекомендательным письмом. Михайловский ответил, что вакансий нет, после чего Смыслова стала выяснять, где можно недорого пообедать, а затем попросила Михайловского зайти к ней вечером в гостиницу (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 162–162 об.). Офицер воспринял это как приглашение на свидание.

Полковник Михайловский свидетельствовал, что просьба устроить Смыслову на службу была ему неприятна, и он переадресовал просительницу к начальнику Главного штаба (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 2). Между тем, как оказалось, Михайловский и его сослуживец полковник С.И. Иванов посетили Смыслову в ее гостиничном номере, где выпивали и беседовали, в том числе на военные и политические темы (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 5). Впрочем, Иванов утверждал, что о политике не говорили, а сам он

принял Смыслову за «деву полусвета» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 164 об.). Полковник Иванов, как показало расследование, неоднократно бывал у Смысловой, причем приходил навеселе. Михайловский же показал, что не мог содействовать иностранной разведке, так как это противоречило его принципам, поскольку он «старый кадровый офицер бывшей Русской армии... прослуживший в таковой более 20-ти лет в офицерских чинах, а до этого выросший и получивший воспитание и образование в военной среде» (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 1). Михайловский также отмечал доброжелательное к себе отношение в Азербайджане, что вызывало у него чувство благодарности за возможность нести службу и существовать в столь сложное время.

9 мая Чернышева допрашивали дополнительно. Следствие весьма интересовало некоторые вопросы, остававшиеся не проясненными. Прежде всего, что за агенты были указаны в списке Чернышева, спрашивали об агенте из сводки, который ухаживал за больным представителем информационного бюро горцев в Баку Т. Амитаевым (см. Приложение), с какими официальными лицами, учреждениями и частными источниками был установлен контакт в первый месяц существования агентурной разведки, какие лица имели связь с правящими кругами, что было предпринято в отношении получения документальных данных, имя неудачливого агента, работавшего на Мугани (см. Приложение). Также следствие интересовало вопрос, что Чернышев понимал под русским делом на Мугани, сколько было агентов-сборщиков и кому из агентов удалось поступить в политическое отделение при бакинском сыскном отделении. Спрашивали и о сотрудниках, поступивших в распоряжение агентов, а также о том, какая намечалась агентурная связь с кубанским представителем в Азербайджане. Чернышев отказался отвечать на заданные вопросы (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 168–168 об.). По всей видимости, после этого следствие зашло в тупик, а выбивать показания из арестованного не стали. Дилетантизм в этой истории проявила каждая из

**Рис. 5. Квитанция об уплате залога супругой А.С. Чернышева. Государственный архив
Азербайджанской республики. Публикуется впервые**
**Fig. 5. Receipt of payment of collateral spouse of A.S. Chernyshev. State Archive of the Azerbaijan
Republic. Published for the first time**

сторон. К сожалению, роль англичан в ходе расследования остается непроясненной.

В итоге 27 мая прокурор ганджинского окружного суда предложил следователю изменить меру пресечения в отношении Чернышева, Окоева и Смысловой на не связанную с лишением свободы. Тогда же было решено Чернышева отпустить под залог 10 000 руб., а Смыслову и Окоева отдать под надзор местной полиции. Уже на следующий день Смыслова и Окоев были освобождены, а Чернышев вышел на свободу 2 июня (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 170–170 об.). 8 июня он уехал в Петровск (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 18). В конце августа изъятый у Окоева наган был передан в британский штаб, а изъятый дамский «Велодог» по состоянию на октябрь 1919 г. находился в пользовании чинов сыскальной полиции (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 188). 12 ноября 1919 г. судебным следователем по наиболее важным делам Крыгером дело было направлено прокурору ганджинского окружного суда (ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 183), а более поздних документов обнаружить не удалось.

* * *

История противоборства белых, азербайджанских и британских спецслужб в Азербайджане еще ждет своего полноценного изучения. Обнаруженные материалы свидетельствуют о том, что азербайджанская контрразведка и белая разведка в Азербайджане весной 1919 г. находились в зачаточном состоянии в руках настоящих дилетантов. Постепенно создававшаяся здесь разведывательная сеть белых оказалась раскрыта из-за провала привлеченной к этому делу совершенно не компетентной случайной сотрудницы. Впрочем, схожие проблемы испытывала азербайджанская контрразведка, равно как и спецслужбы Советской России. Повсеместно в качестве агентов использовались случайные, неподготовленные люди, в том числе женщины сомнительного поведения (РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 148; Сербин, 1960. С. 11), поэтому и результаты такой работы нельзя назвать впечатляющими. Аналогичная ситуация с агентами была характерна и для других стран (Каширин, 2014. С. 429). Фактически

провал Е.И. Смысловой повлек за собой разоблачение всей разведывательной сети белых, на которую были завязаны и старшие офицеры, в том числе генштабисты. В нашем распоряжении нет данных о том, удалось ли белым восстановить утраченные позиции. Роль англичан в этих событиях также установить затруднительно в виду отсутствия у нас документов на этот счет. Однако англичане, несомненно, были одним из ключевых игроков в тайной войне, тем более, что с ними работали обе противоборствующие стороны – как белые разведчики, так и азербайджанские власти.

Дело Чернышева обострило и без того сложные взаимоотношения между ВСЮР и Азербайджаном, ухудшило положение русского офицерства в Азербайджане. Отмечались случаи бесцеремонного обращения с деникинскими офицерами. Так, например, представитель главнокомандующего ВСЮР полковник М.П. Лазарев 24 июля 1919 г. выехал из Баку, однако на пароходе неизвестный, представившись контрразведчиком, потребовал у Лазарева показать имевшееся при нем письмо. Между тем, бумаги Лазарева досмотру не подлежали. Письмо оказалось личным и было возвращено владельцу. Инцидент вызвал возмущение представителей ВСЮР (ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 22. Л. 241–241об.).

Очевидец фиксировал летом 1919 г. «преследования русского офицерства, находившегося в Азербайджане или прибывшего туда по каким-либо поводам. Многие русские офицеры сидели по тюрьмам в Баку и в Гандже (Елизаветполе) по обвинению в шпионаже и в службе в добровольческой контрразведке» (Байков, 1923. С. 177). Военный министр генерал С.Б. Мехмандаров рассказывал представителям Русского Национального Совета об измене русского офицера, собиравшего сведения в интересах белых (Байков, 1923. С. 177). Вероятно, речь шла о Чернышеве. Члены совета пытались доказать, что русский офицер мог изменить только своей стране, но никак не Азербайджану.

При этом военно-политическое руководство Азербайджана оказалось в тупиковой ситуации: оно должно было избавиться

от русских офицеров, но заменить их было нечем, а привлечению на службу турецких офицеров препятствовали англичане. Характерно, что на допросе Чернышев заявил, что не считает себя виновным, так как работал на своей земле, т. е. на территории бывшей Российской империи, тогда как существование независимого Азербайджана никем не признано.

В связи с этим делом часть русских офицеров была выслана на Юг России через территорию Грузии, однако белые агенты в правительственных кругах Азербайджана, возможно, остались не разоблаченными.

Закономерным результатом взаимоотношений белых с Азербайджаном стал приказ генерала А.И. Деникина от 9 ноября 1919 г. всем русским офицерам покинуть ряды азербайджанских войск в виду враждебного отношения азербайджанских властей к русской армии и «вероломного покушения азербайджанских войск на земли Армении» (РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 64).

Приложение

Отчет начальнику штаба войск Западно-Каспийского побережья о деятельности агентурной разведки за период с 20 февраля по 20 марта 1919 г.³

Первый месяц существования агентурной разведки при штабе войск Западно-Каспийского побережья, являющийся организационным периодом для насаждения надежной агентуры, подготовки и выбора агентов, дал возможность завязать сношения с официальными лицами, учреждения-

³ Документ был переписан и. д. ганджинского окружного судебного следователя (отдельные слова в результате не были разобраны) и заверен прокурором, в конце переписанного документа имелась надпись: «На этом осмотр окончен» и содержался незаполненный список понятых без указания имен. The document has been rewritten by Ganja district court investigator (individual words as a result were not disassembled) and certified by the prosecutor, there was a sign at the end of the document rewritten: "This inspection is over", and this document contained a blank list of witnesses without specifying names.

ми и частными источниками (« » неразборчиво⁴) разведывательного характера в самых главных направлениях и пунктах. При этом из прошедшего месяца нужно исключить 10 [дней], ушедших на восстановление прерванной связи с агентурой на местах, в период внезапного оставления Баку частями Добровольческой армии⁵, почему за истекший месяц нужно считать лишь 20 дней продуктивной деятельности агентурной разведки.

За⁶ этот короткий период существования разведки был посвящен, главным образом, Бакинскому району, события в котором во второй половине февраля опережали всякую мысль и, собственно, застигло врасплох еще молодую разведку. Но, несмотря на неблагоприятную обстановку, отсутствие времени для планомерной работы, все же за этот короткий истекший период в Бакинском районе удалось установить агентурную связь с пролетариатом и лишь отчасти с азербайджанскими правящими кругами и английским командованием.

I. Результатами агентурной деятельности в среде пролетариата за этот короткий период являются[:]

1) Обнаружение в Баку постоянного большевистского комитета, наличие точных сведений об его составе постоянного наблюдения за его председателем (Анаткиным) и секретарем (Мирзаянцем).

С уходом Добровольческой армии из Баку и разоружением флота Бакинской коммуны потерял большую половину внимания к нему, как к местному активному органу противника, но зато приобрел еще большее значение, как орган, несомненно, руководящий и централизующий действий большевистских организаций в Закаспии, Дагестане, Мугани, Грузии и Владикавказе.

До настоящего времени удалось выяснить эту данную, причем из конкретных сведений заслуживают внимания следующие

а) Некто Амиров Арменак, брат расстрелянных в Закаспии Амировых (Арсена и Татевоса) организывает в Баку отряд для восстановления советской власти в Закаспии, причем ядром отряда являются родственники 26 казненных комиссаров, которые поклялись отомстить за их смерть.

Сведение это проверено, наблюдение за формированием отряда установлено, меры предупреждения приняты.

б) Некто Герасимов 22–23 марта прибыл через Петровск с большевицкими деньгами для бакинских большевиков с поручением от центральной Советской власти спешно организовываться на западном побережье Каспийского моря для активных действий в период операций против Астрахани.

Сведение это получено из двух источников, Герасимов пока в Баку не обнаружен, но есть предположение, что он был активным деятелем в Терской области, а в Петровском районе можно собрать сведения об его деятельности и личности.

в) Имеется сведение, что из Владикавказа через Тифлис в Баку с такой же целью прибыл некто Алшаров, а из Баку во Владикавказ выехал 24 марта Миралов, бывший комиссар Каспийского флота, который пробыл в Баку несколько дней и имел свидание с Анаткиным (председателем большевистского комитета).

Таким образом Бакинский комитет большевиков заслуживает и теперь должного внимания, так как Баку – единственный собственно город в Закавказье, где возможны организация и формирование большевистских сил для активных выступлений, и наличие центрального органа для руководств ими в прикаспийских областях.

2) Агентурная деятельность в среде пролетариата дала также возможность получать своевременно сведения о деятельности профессиональных союзов, рабочей конференции в Рабочем клубе. Эти данные освещают настроение рабочих масс, их пе-

⁴ Так в документе.
Since the document.

⁵ Речь идет об отряде генерала М.А. Пржевальского из бывших частей Л.Ф. Бичерахова.
We are talking about the detachment of General M.A. Przewalsky consisted of former parts of L.F. Bicherahov.

⁶ Так в документе.
Since the document.

Fig. 6. First page of the report. State Archive of the Azerbaijan Republic. Published for the first time

реживание политических событий, взаимоотношения между национальностями.

II. Конкретных результатов агентурной связи с азербайджанскими правящими кругами, можно сказать, в этот короткий период собственно не достигнуто, но зато много сделано в смысле организации этой связи.

Дело в том, что объектом разведывательной деятельности в этой сфере для получения реальных результатов должны быть не лица, а документы, почему острие разведки и направлено в их сторону.

Для получения документов необходим осторожный подбор лиц, необходим период подготовки и испытания их, чтобы каким-либо неосторожным действием не погубить всей перспективы будущих реальных результатов.

До настоящего времени удалось привлечь лишь нескольких лиц, имеющих связь служебную с азербайджанскими правящими кругами, причем в первую очередь поставлена задача проникновения в министерство военное, иностранных и внутренних дел, в Главный штаб и к воинским начальникам Баку и Елисаветполя.

III. Агентурная деятельность в сторону английского командования вылилась пока в своеобразную форму тайной связи с английским органом разведки. Один агент уже принят на службу в английскую разведку и есть вероятие, что другой сумеет получить доверие и назначение.

Цель таковой связи двоякая:

Во-первых, наблюдение за задачами разведки английского командования и личным составом агентуры, во-вторых, проведение своих задач разведки через агентов и выяснение отношения к ним английской разведки, а, следовательно, отчасти английского командования.

По первой цели удалось выяснить серьезный интерес английской разведки к большевикам и офицерам турецкой и Добровольческой армий, находящимся в Азербайджане и, в частности, в Баку, причем английская разведка определенно избегает действий против масс, групп и принимает лишь меры против отдельных личностей и, главным образом, в момент их переезда из одного пункта в другой, чем, по-видимому,

избегаются возможные конфликты на местах и широкая гласность изоляции отдельных личностей.

При помощи второй цели несколько раз удалось направить английскую разведку против большевистских деятелей, сведения о которых имела наша разведка, причем два раза было сделано телеграфное распоряжение об их задержании и обыске (курьера Амирова в Асхабаде и Миронова в Тифлисе).

Кроме того, путем задания ряда вопросов Кречлею (начальнику контрразведки), почему английское командование не обращает должного внимания на интенсивную организацию большевистских сил в Баку, последний высказал следующую принципиальную точку зрения: «На днях мы ждем первого решения мирной конференции по вопросам самоопределения народов, и тогда наш курс политики станет определенным, а пока мы имеем инструкцию не раздражать пролетариат и местную власть и тем приобрести благоприятную обстановку для всех случаев нашей твердой политики».

Таким образом, тайная связь агентуры с английской разведкой является пока единственным источником осведомления и, кроме того, единственным средством активных действий против обнаруженных большевистских деятелей, причем последний способ, как показала практика, более [действенен], чем официальное обращение к английскому командованию о задержании или обыске того или иного лица.

В отношении получения документальных данных также сделаны некоторые шаги, причем в этом вопросе проявляется крайняя осторожность, дабы абсолютно исключить возможность разоблачения.

Кроме перечисленных объектов действий агентурной разведки в бакинском районе за последнее время обращено внимание на деятельность в Баку горских народов и их представителей.

В этом отношении достигнута связь с Туруджином Амитаевым (представителем информационного бюро горцев в Баку и инициатором объединения их для достижения [?] независимости), а через него с Кантемировым.

И тот и другой в настоящее время больны, чем задерживается осуществление постановления первого собрания (неразборчиво « ») – явиться к английскому командованию и сделать второе собрание.

При этом агент ухаживает за больным Амиаевым, покупает ему лекарства, посещает его ежедневно.

Кроме агентурной деятельности в бакинском районе за истекший месяц насаждена:

1) Постоянная разведка на Мугани, не давшая однако до сих пор реальных результатов, отчасти благодаря неудачному выбору агента и в силу событий, связанных с оставлением Баку Добр[овольческой] армией. Кстати, прошу обратить должное внимание на мои сводки до 1 марта о Мугани, которые, во многом, уже оправдались в отношении отряда полковника Макарова⁷. При этом считаю долгом доложить теперь, что раз не были приняты своевременно меры для безболезненной замены командования на Мугани, когда там налицо и полковник Макаров и полковник Ильяшевич⁸ теперь, пожалуй, уже поздно устранять последнего, так как этот шаг будет теперь понят как репрессия против него за Макарова. Чтобы в этот критический момент не погубить окончательно русского дела на Мугани, полагаю неотложно необходимым хотя бы временно санкционировать власть полковника Ильяшевича именем Добр[овольческой] армии и оказать ему моральную и материальную поддержку.

Вызов полковника Ильяшевича, а еще лучше командирование на Мугань представителя Добр[овольческой] армии с соответствующими полномочиями на переговоры и принципиальные условия взаимоотноше-

ний – единственное теперь средство спасти Мугань как русскую землю.

При этом имеется, правда, непроверенное еще сведение о предполагающейся посылке на Мугань азербайджанских войск.

2) Разведана обстановка в Александровском форту, причем оставлен постоянный агент, который будет доносить результаты своей деятельности непосредственно в штаб войск.

3) Завязаны агентурные сношения с Тифлисом путем привлечения к этой деятельности бывшего офицера русской армии, занимающего пост в военном ведомстве, и кроме того, установлено наблюдение и делаются попытки проникновения к военному атташе Грузии в Баку.

4) Посажен резидент в Закаспий для информации и наблюдения за большевистской деятельностью.

Что касается личного состава агентуры, то таковой, ввиду спешности организации разведки, привлекался первоначально на определенное постоянное содержание, это дало возможность произвести в короткое время некоторый выбор из числа желающих, а большей частью, собственно, [из] жаждущих постоянного куса хлеба и дорожающих этим источником.

Но поспешный выбор незнакомство с людьми в общем не оправдал всех надежд, в силу чего многие из них должны были расстаться с разведкой. В настоящее время проводится постепенно другой принцип материального обеспечения личного состава, а именно – вознаграждение за каждое отдельное сведение или документ, оцениваемый по 12-бальной системе, причем 1 оплачивается 5 рублей, документы же особой важности расцениваются каждый особым соглашением. Принцип этот, дающий максимум ценных сведений и документов при минимуме затраченных средств может быть проведен постепенно лишь путем развития густой сети агентов на началах тайной организации троек – пятерок.

Организация разведки на таких началах требует привлечения в качестве агентов лиц, обеспеченных уже постоянным заработком, к которым труднее подойти с определенным предложением, чем к нуждаю-

⁷ Отряд полковника Макарова, по всей видимости, добровольческий отряд, формировавшийся в Ленкорани.

Squad of the colonel Makarov, apparently, volunteer detachment formed in Lenkoran'.

⁸ Ильяшевич Ф.М. – полковник. Начальник пограничных войск Мугани. Командующий войсками Мугани. Генерал-майор. На службе во ВСЮР. Il'yashevich F.M. – colonel. Head of the Border Troops of Mughan'. Head of troops of Mughan'. General-Major. On the service in the Armed Forces of South Russia.

щимся в нем или [к] лицам идейным, которых необходимо, во-первых, испытать, а, во-вторых, подготовить к выполнению задач разведки, для чего, конечно, требуется время и благоприятная обстановка.

К организации разведки на вышеизложенных началах уже приступлено.

Центр разведки будет иметь дело только с агентами-сборщиками, которые, в свою очередь, будут привлекать к себе в сотрудники известных им только лиц, а эти последние могут продолжить, в свою очередь, разветвление разведки в желаемом им направлении.

Руководство разведкой, выдача задач и расплата за выполнение поручений, доставку сведений или документов, будет произ-

водиться через агентов-сборщиков, считая их как бы единолично действующими лицами.

Примечание: Денежный отчет
Генерального штаба
Капитан Чернышев.

№ 9

26 марта 1919 г.

г. Баку.

(ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 77–82. Рукописная копия)

Статья поступила 23.10.2016 г.

Article was received in October, 23, 2016

⁹ Не публикуется.
Not published.

Библиографический список

Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия. Документы и материалы. Баку, 1998. 440 с.

Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 91–194.

Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011. 348 с.

Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. 256 с.

Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. : Справочные материалы. М., 2009. 895 с.

Гасанлы Д. История дипломатии Азербайджанской республики. В 3 т. Т. 1. Внешняя политика Азербайджанской демократической республики (1918–1920). М., 2010. 576 с.

Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. 632 с.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб., 2012. 338 с.

Сербин Ю. О разведке. Из личных воспоминаний // Часовой (Брюссель). 1960. № 415. Декабрь. С. 11–12.

Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. 74 с.

Plotke A.J. Imperial Spies Invade Russia. The British Intelligence Interventions, 1918. Westport – L. 1993. 286 p.

References

Azerbaidzhanskaya demokraticeskaya respublika (1918–1920). Armiya. Dokumenty i materialy [Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920). Army. Documents and materials]. Baku, 1998. 440 p.

Baikov B. *Vospominaniya o revolyutsii v Zakavkaz'i (1917–1920 gg.)* [Memories about Revolution in Transcaucasia]. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [Archive of Russian Revolution]. Berlin, 1923. Vol. 9. Pp. 91–194.

Bezugol'nyi A.Yu. *General Bicherakhov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranitsy istorii Grazhdanskoi voiny i interventsii na Kavkaze. 1917–1919* [General Bicherakhov and his Cossack Army. Unknown pages of history of the Civil War and Intervention in Caucasus. 1917–1919]. Moscow, 2011. 348 p.

Ganin A.V. *Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoi voiny*

1917–1922 gg. *Spravochnye materialy* [Corps of officers of the General Staff in the Civil War, 1917–1922. Reference materials]. Moscow, 2009. 895 p.

Gasanly D. *Istoriya diplomatii Azerbaidzhanskoi respubliki. V 3 t. Vol. 1. Vneshnyaya politika Azerbaidzhanskoi demokraticeskoi respubliki (1918–1920)* [History of diplomacy of the Azerbaijan Republic. In 3 vol., Vol. 1. Foreign policy of the Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920)]. Moscow, 2010. 576 p.

Kashirin V.B. *Dozornye na Balkanakh. Russkaya voennaya razvedka v stranakh Balkanskogo poluoostrova nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny* [Sentinel of Balkans. Russian intelligence in the countries of Balkan Peninsula day before and during the World War I]. Moscow, 2014. 632 p.

Plotke A.J. *Imperial Spies Invade Russia. The British Intelligence Interventions, 1918*. Westport – L. 1993. 286 p.

Puchentkov A.S. *Natsional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [National policy of General Denikin (spring, 1918 – spring, 1920)]. St. Petersburg, 2012. 338 p.

Serbin Yu. *O razvedke. Iz lichnykh vospominanii* [On intelligence. From personal memories]. *Chasovoi* [Sentinel]. Brussel. 1960. No. 415. December. Pp. 11–12. (In Russian)

Steklov A. *Armiya musavat'skogo Azerbaidzhana* [Army of Musavat Azerbaijan]. Baku, 1928. 74 p.

Volkhonskii M., Mukhanov V. *Po sledam Azerbaidzhanskoi Demokraticeskoi Respubliki* [In the wake of Azerbaijan Democratic Republic]. Moscow, 2007. 256 p.

Список сокращений

Архив политических документов управления делами Президента Азербайджанской республики (АПДУДПАР).

Государственный архив Азербайджанской республики (ГААР).

Российский государственный военный архив (РГВА).

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина» (Москва), 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich, Doctor Hab., Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Editor of the journal “Rodina” (Moscow), 32-A, Leninskii prospect, Moscow, 119991, Russia, tel.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru